

И. ЗИЛЬБЕРШТЕИН

ИЗ БУМАГ ПУШКИНА

(НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“

Москва—1926

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ ПУШКИНА

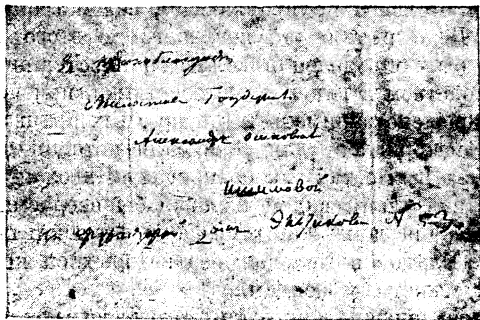
Эпистолярное наследие Пушкина, сохранившееся и дошедшее до наших дней, довольно велико. Еще 20 лет тому назад один текст его—без всяких комментариев—дал три увесистых тома, изданных Академией Наук. Последующие годы также принесли много новых интересных публикаций, которые в настоящее время с успехом могли бы составить 4-й том. Но далеко не все сохранившееся эпистолярное наследие Пушкина является достоянием публики. Так, ныне подготавливается к печати большое собрание ряда интереснейших—по корреспондентам и порой курьезному содержанию—писем к нему; ряд писем, могущих пролить немало света на его официальные взаимоотношения, плохо издан; немало ценнейших данных о его литературных вкусах и знакомствах можно найти в только что найденной связке его писем к Е. М. Хитровой...

В известном собрании бумаг Пушкина, принадлежавших проф. И. А. Шляпкину и ныне хранящихся в Пушкинском Доме при Академии Наук СССР, имеется интересный документ из его эпистолярного наследия: это письмо к поэту от 18 февраля 1832 года известного историка К. С. Сербиновича,

Текст письма Сербиновича, в печати известный, вводит нас в круг научных интересов поэта в ту эпоху: историк Сербинович, служивший в ведомстве иностранных исповеданий, предлагает поэту явиться в архив иностранной коллегии в определенный день, при чем ловко указывает на то, что при этом визите его будут присутствовать заведующий секретным отделом архива иностранной коллегии, куда собственно и нужно было поэту,—В. А. Поленов и управляющий ведомством—Д. Н. Блудов. Дело в том, что незадолго до этого письма Пушкин был определен в коллегию иностранных дел с производством в титулярные советники, при чем ему было разрешено заниматься в секретных архивах отысканием материалов «для сочинения истории императора Петра I». Но так как по приказу Николая I Пушкин «ни под каким видом не брал бы вверяемых ему бумаг к себе на дом»—тайными наблюдателями при нем состояли Блудов и Поленов, без которых он не допускался к секретным фондам.

Интересна внешняя история этого автографа. Бросив автограф этот (текст которого находился на первой странице, а на четвертой—адрес) к себе на стол, поэт спустя некоторое время, вероятно, за неимением под рукой чистой бумаги, на внутренней стороне его—3-й и 4-й странице, которые были пусты,—набросал черновик письма к шефу жандармов—генералу А. Х. Бенкендорфу. Кончается черновик письма уже на 4-й странице этого автографа (см. снимок выше): «осмеливаюсь просить об одной милости впредь иметь право с мелкими сочинениями своими относиться к обыкновенной цен-

зуре». Это письмо было прошение, которое через несколько дней действительно было отослано, написано потому, что по приказу Николая I каждое произведение поэта перед сдачей в печать должно было быть на «милостивом» рассмотрении его или Бенкендорфа. Пушкин же здесь просит разрешить ему свои мелкие стихотворения относить в обыкновенную цензуру.

Обертка от пакета к А. О. Ишимовой.—Последние строки, писанные Пушкиным. (Вопроизводится впервые).

На этой же 4-й странице письма Сербиновича кроме окончания этого черновика письма к Бенкендорфу и адреса Пушкина, написанного Сербиновичем, поэт ниже набросал черновик письма к одному из своих кредиторов: «Титулярный советник Пушкин просит г-на Кистера явиться к нему в Галерную, в дом г-на Брискорна для получения следующих ему сумм по векселю, данному в 1820 году».

Этот небольшой листок является чрезвычайно характерным показателем быта, в котором жил Пушкин в 30-х годах: сама записка Сербиновича, милостиво разрешающая поэту притти заниматься под охраной чиновников, черновое письмо Пушкина к Бенкендорфу с просьбой хотя бы отчасти освободить его от давящих уз царственной цензуры, черновик письма к Кистеру, которому он еще с 1820 года не мог уплатить «следующих ему сумм»...

Нашу связку новонайденных бумаг Пушкина и документов, связанных с именем поэта, мы заканчиваем вос произведением (впервые в литературе о нем) одного небольшого, но очень дорогого всем нам документа, хранящегося теперь в одной из витрин Пушкинского Дома. Строки, здесь воспроизведенные, набросанные поэтом на обертке пакета, куда были вложены книги английского писателя Бари-Корнуоля, были, вероятно, последними при жизни поэта. Через пару часов после того, как пакет этот был отправлен переводчице А. О. Ишимовой, Пушкин поехал на дуэль с Дантесом. Возвратившись оттуда, он до момента своей смерти уже ничего не был в состоянии писать.

Добавим, что Пушкину так и не удалось увидеть напечатанным то, что он послал Ишимовой для перевода в этой обертке: на следующий же день «в $\frac{3}{4}$ третьего часа пополудни» его не стало.
